

БИБИ МОНТЕ
PRILIV

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

— 18+ —

18+

Вивъен Монте

Прилив

«Автор»

2026

Монте В.

Прилив / В. Монте — «Автор», 2026

Прилив приходит и уходит. Оставляет следы на песке. Разрушает то, что построил вчера. И приносит то, что ждал завтра. Их любовь была как прилив. Внезапная. Сокрушительная. Неизбежная. Они рискуют всем ради украденных мгновений. Но их тайна слишком опасна, а последствия слишком страшны. Когда мир рушится, Дженнифер остается одна с разбитым сердцем и вопросом: была ли его любовь настоящей? Теперь ей предстоит заново научиться дышать, верить и жить. Но можно ли забыть того, кто оставил след на коже и в душе? И что делать, когда единственный человек, который сделал её счастливой, стал причиной её боли? Он — сводный брат, который не хотел семью. Она — художница, которая боялась будущего. Одно лето у моря. Одна ночь, которая изменила всё. Одно слово, которое разрушило всё. Эта история о том, как прилив приносит не только разрушение, но и новый берег. О том, как двое людей, которые боялись любить, находят друг в друге дом. Прилив всегда приходит. Вопрос только в том, устоишь ли ты на ногах.

© Монте В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Вивьен Монте

Прилив

Глава 1

Дженнифер

Солнце лениво клонилось к горизонту, окрашивая небо в оттенки оранжевого и фиолетового, словно художник небрежно разбросал краски по холсту. Слева, в далёкой дымке, мерцал лазурный цвет моря — бесконечная гладь, усыпанная яркими бликами. Волны, невидимые отсюда, манили ароматом соли и йода, который уже начинал пробиваться сквозь приоткрытое окно машины. Справа возвышалась гора, одетая в густой лес: кроны деревьев шелестели под порывами ветра, обещая тайны и прохладу.

Машина плавно скользила по узкому серпантину, петляя между скалами и обрывами. Мама, устроившаяся на переднем сиденье, не могла оторваться от вида. Она заливалась восторгом, её голос звенел, перекрывая шум мотора:

— Смотрите, какие краски! Это же рай на земле! — щёлк-щёлк — старый фотоаппарат в её руках работал не переставая. Объектив ловил каждый поворот, каждый проблеск солнца на воде. — Дети, запоминайте: это наш первый семейный отпуск! Не зевайте!

Я улыбнулась, но внутри шевельнулось лёгкое беспокойство. Дорога казалась слишком узкой, а обрывы — слишком крутыми. Что, если впереди завал или внезапный дождь? Мы мчались в эту глушь по навигатору, который уже дважды глючил, показывая нас посреди океана.

Рядом со мной, развалившись на два сиденья, посапывала младшая сестра, Амели. Первый перелёт в её жизни дался ой нелегко, но стоило нам сесть в машину, как она тут же уснула в обнимку со своим любимым плюшевым зайчиком. Зайчик теперь лежал у неё на груди, а её длинные волосы разметались по подушке, которую она притащила из дома. Я осторожно поправила плед, чтобы не разбудить.

С каждой минутой мы подъезжали ближе к морю. Воздух густел — влажный, солёный, с привкусом йода и дизеля от проезжающих грузовиков. Серпантин выровнялся, и вот машина остановилась у небольшого домика почти на самом берегу. Светлый, в испанском стиле — белые стены, красная черепица, цветы в горшках у входа. Волны шумели в двух шагах, били о камни, разбрасывая пену. Идеальное место, чтобы забыть обо всём.

Моя мама — Клара, вышла замуж за нового мужчину. Третий брак, если считать тот случай восемь лет назад. Папа Амели тогда сбежал, узнав о беременности. Они не были в официальном браке, просто жили вместе, но он мог бы остаться. Не скажу, что он был полным гадом. Работал, приносил деньги, но отказ от ребёнка всё перечеркнул. Я его простить не смогу.

Несколько лет спустя мама встретила Мартина Гарсия на одном из архитектурных мероприятий. Клялась, что мужчины — не для неё, что хватит слёз. Но Мартин... Он другой. Известный архитектор, строит дома, уютные, с душой. Самый приятный человек, кого я знаю: всегда спросит, как дела, посмеётся над моей шуткой, не давит. Когда мама влюбилась по уши, я сначала злилась. А теперь? Рада за неё. Этот дом — его подарок.

Мартин вышел из машины, махнул рукой: «Добро пожаловать!» Улыбка искренняя. Я кивнула, чувствуя, как напряжение спадает. Море шептало: «всё будет хорошо».

Внутри дом был таким же светлым и уютным, как снаружи. Заходишь и сразу кухня, слитая со столовой и гостиной. Деревянные балки на потолке, белые стены, огромные окна с видом на море. Оттуда пахло свежим хлебом и кофе, Мартин явно готовился к нашему приезду. Выход на задний дворик, где шезлонги ждут под пальмами. Гостевой санузел чистый, с мозаикой в испанском стиле. Рядом кабинет Мартина, стол завален чертежами, ноутбук мигает,

модели домов на полках. А напротив их с мамой большая мастер-спальня, с кроватью под балдахином и дверью на балкон.

Светлая деревянная лестница вилась вверх, скрипя под ногами. На втором этаже спальни. Три небольшие, но такие уютные: белые шторы, комоды, кровати с мягкими пледами. Моя с окном на море, волны шумят как колыбельная. Амели выбрала комнату с видом на сад. Ванная общая, с большой ванной и душистым гелем.

Мы с мамой тащили сумки, Амели носилась, трогая всё руками. «Это наш дворец!» — пищала она. Мартин нёс тяжёлое: «Располагайтесь, это ваш дом теперь». Мама обняла его, глаза блестят. Я стояла на лестнице, вдыхая воздух, смесь моря и дерева. Впервые за годы почувствовала: здесь можно дышать свободно. Но в глубине души шевельнулось сомнение: надолго ли?

Это сомнение было вызвано тем, что у Мартина есть сын от первого брака — Николас Гарсия. Он приедет через пару дней. Учится в Нью-Йорке, на архитектурном факультете престижного университета. На свадьбе его не было — экзамен, который нельзя было пропустить. Позже он приехал поздравить родителей, но я отсутствовала из-за школьной поездки на «день воспоминаний». Последний год школы, вечер у костра в лесном лагере. Мы делились историями, смотрели на огонь, и я ощущала, как детство уходит безвозвратно.

Николас старше меня на пять лет, ему двадцать три. Я видела только фото: высокий, с тёмными волосами, татуировками и взглядом, в котором читается характер отца, но с собственной глубиной. Мама говорила: «Он талантливый, вы найдёте общий язык». Но что подумает он обо мне — падчерице, вторгшейся в их семью? Восемнадцать лет, только школа за плечами, полная неопределённости. Лежа в новой комнате под шум моря, я размышляла: его приезд может укрепить этот дом или нарушить равновесие.

Мартин построил этот дом специально для летних каникул у моря — его проект, воплощённый в белых стенах и шуме волн. Каждый угол здесь дышит его идеями: открытые пространства, свет, гармония с природой. «Это место для отдыха и размышлений», — говорил он на свадьбе.

Кто знает, что может произойти за эти несколько месяцев. Я только что закончила школу, впереди университет, новая жизнь. Николас приедет, и мы наконец встретимся. Мама и Мартин строят семью, Амели привыкает к отчиму. А я? Чувствую себя на пороге чего-то большого — перемен, открытий или разочарований. Лето у моря обещает покой.

Стоя у окна спальни, я смотрела, как солнце садится в воду. Воздух солёный, ветер треплет волосы. Время покажет.

Через пару часов мама и Мартин собрались в магазин, так как мама решила устроить шикарный ужин в честь приезда. «Паэлья, салаты, вино — всё как полагается!» — заявила она. Мартин приехал сюда за пару дней раньше, чтобы подготовить дом, разобрать свои рабочие дела, но холодильник так и стоял пустым с момента покупки. Ни фруктов, ни мяса, только бутылка оливкового масла и пара бананов.

За это время я разобрала свои вещи: повесила одежду в шкаф, разложила косметику на полке в ванной. Потом помогла сестрёнке Амели. Её спальня была в мягких розовых тонах: светлые шторы, плед с цветочками, идеально для детской. Мы вместе расставили игрушки на полки: зайчика на кровать, кукол в ряд, конструктор в коробку. Книжки про принцесс и сказки — на стеллаж. Амели сияла: «Теперь как дома!»

Сидя на её кровати, я смотрела на сад в окно. Мама и Мартин уехали, тишина окутала дом. Время подумать: о Николасе, о лете, о том, кем я стану. Холодильник пуст, как и мои планы на будущее.

За ужином на террасе, под гирляндой лампочек и шумом волн, Мартин рассказывал шутки: лёгкие, без пошлости, про свои архитектурные промахи в молодости. Параллельно он то и дело восхищался едой: «Клара, эта паэлья — шедевр! Ты волшебница!» Мама краснела,

отмахивалась. Амели хохотала громче всех, хлопая в ладоши. Мартин ей явно нравился, она уже звала его «папа Мартин» вполголоса. Атмосфера была тёплой, семейной, от вина и свечей.

Я ковыряла рис, думая о своём: о Николасе, о пустом будущем. Пока Мартин не повернулся ко мне:

— Ты всё ещё не решила, куда поступать?

Я подняла взгляд, проглотила кусок.

— Выбираю между несколькими направлениями — искусство, дизайн, может, психология. Но что нравится больше... ещё не поняла. Думаю, за год определюсь и подготовлюсь.

Он кивнул, отпивая вино.

— Жаль, конечно, что в этом году мест так мало на поступление. Конкуренция бешеная. Но ты не переживай! — Мартин нежно улыбнулся, по-отечески. — Зато будешь уверена в выборе. Спешка — плохой советчик.

— Да... Наверное, ты прав, Мартин, — ответила я тихо. Его слова грели, но сомнения не ушли. Амели зевнула, мама начала убирать тарелки. Ужин закончился, а разговоры нет. В голове крутилось: год на раздумья — это шанс или отсрочка?

Мы просидели с Мартином до глубокой ночи на террасе. Звёзды над морем, лёгкий ветер, бокалы с вином почти пустые. Разговаривали об университетах, направлениях, лучших городах для поступления. Он показывал сайты топовых вузов в Барселоне, Мадриде, даже в Нью-Йорке, где учится Николас. Мы в буквальном смысле облазили весь интернет: читали отзывы, смотрели программы, сравнивали стипендии.

— Дизайн интерьеров — это искусство и практика, — говорил Мартин. — Ты творческая, как твоя мама.

В итоге решили, что пойти по стопам мамы — лучшее решение. Она сможет помочь с портфолио, поделиться опытом. А Мартин обещал контакты, стажировки: «работой не обделю». Дизайнер интерьеров... Не так уж плохо. Стабильно, творчески, рядом с семьёй. Но внутри шевельнулось: это мой выбор или их?

— Думаю, пора отдохнуть... — Мартин зевнул первым. — Спокойной ночи. Завтра подумаем о заявках.

Я кивнула, глядя на тёмное море: волны светились под луной, ветер шептал в пальмах. Ночь прошла довольно спокойно. После разговора с Мартином я легла, но сон не шёл сразу. Мысли кружили кругом: университеты, дизайн, его слова «сагіё, ты справишься». В итоге уснула крепко, практически не просыпалась, только раз разбудил далёкий лай собак из деревни.

Утро ворвалось в комнату солнечным светом через шторы. Море сверкало за окном, волны шумели ритмично. Я ещё дремала, когда кровать резко дёрнулась от прыжка. Матрас прогнулся, простыня сбилась в ком. Открыв глаза, я увидела Амели. С растрёпанными кудрями, румяными щеками, улыбка от уха до уха.

— Вставай, соня! — закричала она, вцепившись в край простыни и потянув с такой силой, что я чуть не скатилась. — Мы идём купаться на море! Папа Мартин уже завтрак готовит!

— Семь утра! — простонала я, нашаривая телефон на тумбочке. Экран мигнул: 7:03. — Амели, вы все с ума сошли! Дайте поспать хотя бы до восьми.

Она не унималась, прыгая на месте, пижама с мишками болталась на ней.

— Нет, нет, сейчас! Море зовёт!

В этот момент дверь распахнулась с грохотом, и в комнату влетела мама — в ярком купальнике с цветочным принтом, парео развевается, волосы собраны в небрежный пучок. В руках корзина с полотенцами и кремом для загара.

— Подъём, chicas! — скомандовала она, её голос звенел от возбуждения. — Николас придет раньше, чем планировали, к обеду. Так что утро наше: купаемся, загораем, а вечером ресторан. Семейный ужин! Наконец-то все вместе соберёмся.

Амели завизжала от восторга, запрыгала по моей кровати, чуть не снеся лампу. Мама рассмеялась, подмигнула. Я села, потирая глаза, сердце заколотилось чаще. Николас? Раньше? Сегодня? Вчерашний разговор с Мартином всплыл в памяти: Нью-Йорк, архитектура, его фото с той уверенной улыбкой. Что он подумает обо мне, девчонке из другой жизни, вторгшейся в их мир? Волнение кольнуло в груди, смешавшись со страхом: вдруг не сойдёмся? Или, наоборот...

Из кухни донёсся запах кофе и тостов, Мартин уже звенел посудой. Амели стащила простыню окончательно, хихикая.

— Быстрее, или я тебя за волосы потащу!

Я вздохнула, вставая. Надела купальник, схватила полотенце.

— Ладно, пошли, — ответила я. Время встречать день.

Море в Испании и правда невероятное: бирюзовое, прозрачное, с лёгким шелестом волн, которые лижут мелкий песок. Мы провели на пляже нашего дворика несколько часов. Амели плескалась в воде с надувными игрушками, подаренными Мартином. Она визжала от восторга, ныряя и выныривая, вода стекала с её кудрей.

Мама облилась маслом для загара и растянулась на шезлонге, наслаждаясь солнцем. «Это рай, chicas!» — бормотала она, листая журнал. Мартин чинил зонтик неподалёку, напевая что-то испанское. Я же, наконец-то дочитала книгу, которую начала ещё в начале года. Сидела в тени пальмы, страницы шелестели на ветру, солнце грело кожу, соль оседала на губах. Идеальный момент, но мысли то и дело уносились к сводному брату. Книга закончилась, а моя история только начиналась. Честно признаюсь, Николас был довольно привлекательным. Привлекательным? Нет, не то слово. Он невероятно сексуален на тех фото, которые показывал Мартин. Широкие плечи, тёмные волосы, взгляд, который проникает под кожу, огромное количество разных татуировок. Но стоило этой мысли всплыть, как я сразу гнала её прочь. «Мы теперь родня», — повторяла себе, краснея. Падчерица и пасынок — это же табу. Или нет? Сердце всё равно стучало чаще при упоминании его имени.

Весь оставшийся день я помогала маме разбирать вещи и наводить уют. Расставляли посуду в кухне, развешивали картины на стенах, чистили полки от пыли. Амели мешала, таща игрушки, Мартин чинил полку в кабинете.

— Скоро все будет идеально, — говорила мама, вытирая пот со лба. Я кивала, но внутри нарастало предвкушение и тревога.

Ближе к вечеру, когда солнце клонилось к закату, с улицы донёсся шум мотора и шуршание шин по гравию.

— А вот и Николас приехал! — мама радостно взвизгнула, бросив тряпку и побежав открывать дверь встречать «своего сына». Мартин улыбнулся, Амели подбежала к окну. А я замерла в гостиной, глядя на вход. Дверь распахнулась и вот он. Реальный. Высокий, загорелый, с дорожной сумкой через плечо. Взгляд скользнул по дому и остановился на мне.

— Привет, — сказал он тихо, с лёгким акцентом. Я сглотнула.

— Поднимайся в свою комнату, дорогой, — мама ещё раз крепко обняла младшего Гарсия, её глаза сияли. — Отдохни немного с дороги, а мы пойдём собираться на ужин.

Она поторопила Амели: «Идём, поможешь выбрать платье!» — и они убежали в спальню, оставив эхо шагов. Мартин хлопнул сына по плечу и тоже ушёл готовить машину.

Я последовала их примеру, и быстро скрылась на втором этаже. Сердце колотилось, щёки горели. Взгляд Николаса... Он задержался на мне дольше, чем нужно. Тёмный, изучающий, с намёком на улыбку. Смущал до дрожи. «Мы родня», — напомнила я себе, взлетая по лестнице. Закрыла дверь комнаты, прижалась спиной к стене. Дыхание выровнялось не сразу. Он здесь, в доме. Рядом. Ужин ждёт и первый настоящий разговор. Что сказать? Как смотреть? Зеркало

отразило моё раскрасневшееся лицо. Соберись. Снизу донёсся его голос, низкий, с акцентом, что-то про Нью-Йорк. Я сглотнула. Лето только начиналось.

Все собрались в гостиной через полчаса, когда солнце уже садилось, окрашивая небо в оранжевые и розовые тона. Мама вышла первой, в лёгком летнем платье с открытыми плечами, волосы уложены волнами, на губах улыбка, полная предвкушения этого первого семейного ужина. Амели крутилась рядом в новом платье с рюшами, подаренном Мартином, её глаза блеснули от восторга, а она то и дело поправляла бантик в волосах, спрашивая всех: «Я красивая?»

Я надела простое чёрное платье до середины бедра, которое подчёркивало загар, накрашилась слегка, но внутри всё трепетало, особенно когда подумала о Николасе, который спустился последним, свежий после душа, в белой рубашке с закатанными рукавами и тёмных брюках, от него пахло одеколоном с нотками моря и сандала.

Николас предложил поехать в город на своей машине, чтобы не тесниться в одной, и Мартин, подумав, кивнул, согласившись, что так удобнее для всех. Ник уехал первым, мы последовали через пару минут на машине Мартина, дорога вилась вдоль побережья, огни зажигались один за другим, радио тихо играло испанские баллады, Амели болтала без умолку о пляже, а я смотрела в окно, предвкушая вечер и волнуясь от мыслей о нём.

Ресторан в центре городка оказался уютным местечком у порта, с террасой над водой, где гирлянды лампочек переливались, отражаясь в волнах, столы накрыты белыми скатертями, воздух пропитан запахами свежих морепродуктов, паэльи и вина, официанты в белых рубашках сновали с подносами, а из динамиков лилась живая гитара с фламенко. Мы заняли угловой столик с видом на яхты, заказали ассорти из тапас, жареные кальмары, салат с креветками и бутылку красного из Риохи, и поначалу всё шло идеально — смех, тосты за семью, Амели уплетала креветки, мама делилась историями о свадьбе.

Мартин поднял бокал первым, его голос звучал тепло и уверенно.

— За нашу семью — новую, но крепкую, за лето вместе и за всех нас!

И мы чокнулись, стекло звякнуло, вино оказалось бархатистым, но тут Николас, откинувшись на стуле с той своей полуулыбкой, добавил шутливо, но с остринкой:

— Да, за семью... Только интересно, сколько она продержится на этот раз, папа? Твои предыдущие рекорды не вдохновляют.

Шутка повисла в воздухе, как гром среди ясного неба, мама замерла с бокалом у губ, Амели перестала жевать, а Мартин побледнел, его глаза сузились. Было видно, как он сжал челюсти, стараясь сохранить лицо перед нами.

— Николас, это не место для таких шуток, — произнёс Мартин тихо, но твёрдо, голос напряжённый, как струна. — Мы здесь празднуем, а не копаемся в прошлом.

Сын усмехнулся, но в глазах мелькнула горечь.

— Просто реализм, папа, после твоих двух разводов. Не хочу, чтобы Клара пострадала.

Слова ударили, мама опустила взгляд, я почувствовала, как воздух сгустился, Амели пискнула: «Не ругайтесь!», а Мартин резко отодвинул стул, лицо покраснело от сдерживаемого гнева.

— Ты ничего не понимаешь, сынок, вырос в эгоиста за океаном! — и Николас, не говоря ни слова, встал, бросил салфетку на стол и ушёл, его шаги эхом отдавались по террасе, а через минуту мы слышали рёв мотора его машины, удаляющегося в ночь.

Мама вздохнула, пытаясь разрядить обстановку: «Он просто устал с дороги», но напряжение осталось висеть, как дым от сигарет за соседним столиком, и ужин продолжился в тишине, прерываемой только звоном вилок, пока я думала: вот оно, начало — трещина в идеальной картине семьи.

Дорога до дома прошла в том же неловком напряжении, которое повисло после ссоры. Машина Мартина мчалась по темной прибрежной дороге, фары выхватывали куски асфальта и редкие пальмы, радио молчало, Амели задремала на заднем сиденье, прижавшись ко мне, мама

изредка старалась разрядить тишину фразами вроде «Завтра всё наладится, он просто устал», но её голос звучал неубедительно, а Мартин сжимал руль так сильно, что костяшки побелели, не говоря ни слова, пока мы не подъехали к дому, где огни двора казались одинокими в ночи.

Едва мы зашли в дом, Мартин молча направился в свой кабинет, дверь хлопнула чуть громче обычного, мама, бросив сумочку на стол, поспешила за ним, ее шаги отдавались эхом по коридору. За дверью сразу слышались голоса, его тяжёлый, полный раздражения тон, чередующийся нежными уговорами мамы, которая говорила тихо, успокаивающе: «Милый, не надо так, он твой сын, просто переживает за тебя». Мартин говорил громче: «Я вырастил неблагодарного эгоиста, Клара, он всегда был таким! Испортит весь вечер, весь отпуск своим характером, как будто я ему враг!»

Я помогла Амели улечься спать, она сонно обняла зайчика, пробормотала «Спокойной ночи, сестрёнка», и я поцеловала ее в лоб, выключив свет в ее розовой комнате, а потом сама направилась в ванную, чтобы смыть с себя все негативы. Горячая вода полилась из душа, пар заполнил зеркало, я стояла под струями, чувствуя, как соль моря и напряжение дня стекают по коже вместе с пеной, но мысли не уходили. Конечно, все знали о прошлых браках Мартина, несколько неудачных случаев, разводов, боль, которую он прятал за улыбку, и Николаса можно понять, что его сарказм был связан, эхом старой раны, не за столом же с ребёнком и новой женой. Может, Николас и не такой идеальный, как мне казалось...

Эта ночь оказалась жаркой. Воздух пропитался солью моря и теплом, которое не спадало даже после полуночи, и я проснулась от сухости во рту, заметив, что стакан на тумбочке пустой, капли розовых осели на стекле из открытого окна. Взяла его в руки, тихонько поднялась с кровати босиком, пол холодил ступни, и осторожно направилась к двери, стараясь не скрипнуть половицами, чтобы не разбудить Амели в соседней комнате. Выйдя в коридор, увидела, что дверь в комнату Николаса приоткрыта, внутри всё так же аккуратно: заправленная кровать, его сумка с вещами лежит на стуле, одежда сложена. Он ещё не вернулся?

Я спустилась на первый этаж, осторожно ступая по лестнице, направляясь к кухне, где на столе стоял кувшин с водой, отбрасывая тени в лунный свет из окна. В этот момент с улицы слышался знакомый шум двигателя. На пороге появился Николас: волосы растрёпаны, рубашка наполовину расстёгнута, обнажающая татуировки на груди. Он прошёл мимо кухни, не заметив меня в тени, видимо, слишком погружённый в своих мыслях, и сразу направился наверх по лестнице. Я услышала, как он зашёл в ванную, дверь закрылась, вода зашумела в душе. Воспользовавшись моментом, быстро налила стакан воды из кувшина, лёд тихо звякнул, и поспешила обратно, стараясь не шуметь.

Стоило мне подняться на второй этаж и потянуть руку к дверной ручке своей комнаты, как дверь ванной резко открылась, и из нее вылетел он. Мокрые волосы, полотенце на бёдрах, вода ещё стекает по плечам. Мы замерли, уставившись друг на друга в коридоре, освещённом лишь ночью.

— О, ты чего не спишь? — спросил он неуверенно, хрипловатым голосом, с лёгким акцентом, видимо, не ожидал увидеть меня, его взгляд скользнул по лицу, потом на стакан в руке.

Я молча показала стакан с водой, прокрутила ручку двери и скрылась в комнате, сердце колотилось, как после бега. Он повернулся и тоже нырнул в свою комнату, дверь тихо щёлкнула. Я легла в кровать, уставившись в потолок, и в мыслях сразу всплыл его образ. Этот взгляд — пронизывающий, чуть затуманенный, кажется, он был немного пьян, от него веяло виски и солью. Образ не отпускал долго, кружил в голове, пока веки кружили не отяжелели, и я не превратилась в сон, полный смутных снов о море и нем.

Проснулась я от легкого прикосновения к лицу. Моя кровать стоит у окна, которое открыла ночью, штора слегка покачивалась от утреннего ветра, солнечные лучи падали на подушку, теплые и золотистые, а из сада донесся визг Амели. Поднявшись и выглянув в окно,

я заметил сестру, плескающуюся в маленьком бассейне во дворике. Она брызгалась водой, смеясь, надувной круг болтался рядом, мама сидела на краю, потягивая кофе из кружки. Сегодняшний день был не таким спокойным, как вчера. Волны вздымались выше, пенясь о камни с рёвом, наверное, поэтому они и отдыхали в уютном бассейне, а не на пляже. Воздух пах хлоркой и цветами, день обещал жару.

Я зашла под прохладный душ, и тело мгновенно расслабилось от струй воды, которые стекали по коже, смывая остатки сна и ночных мыслей, ноги коснулись мягкого коврика в ванне, и я потянулся за полотенцем, висевшим на крючке, как дверь в ванную резко распахнулась с громким скрипом. Я схватилась за полотенце, крепко прижав его к себе, вода капала на пол, сердце заколотилось от неожиданности, в дверях застыл Николас с полотенцем в руках, его взгляд приковался ко мне на слишком долгую секунду, и мне стало некомфортно от этого молчаливого напряжения, от того, как его глаза скользнули по моим влажным волосам и плечам.

— Стучаться не учили? — я начала первой, стараясь скрыть смущение.

— На двери есть замок, тебя научить им пользоваться? — ответил он спокойно, но с сарказмом в голосе, прислонившись к косяку.

— Я закрывала, — возразила я, чувствуя, как щёки горят и рука крепче сжимает полотенце.

— Проверь откуда у тебя растут руки.

Он ещё раз посмотрел на меня долгим взглядом, полным чего-то неуловимого и вышел, громко хлопнув дверью так, что эхо разнеслось по коридору, а я стояла, прислушиваясь к его удаленным шагам.

К тому моменту, как я привела себя в порядок, вытерлась полотенцем, распутала мокрые волосы и надела длинную футболку, чувствуя, как кожа ещё хранит прохладу душа, напряжение от стычки в ванной не отпускало, оно пульсировало в висках вместе с воспоминанием о его взгляде и хлопке двери, но я спустилась на первый этаж, где уже собралась вся семья за завтраком за исключением Николаса, что было мне даже на руку, потому что ещё одна встреча с ним прямо сейчас могла бы окончательно вывести из равновесия. Мартин подозвал меня рукой к столу с теплой улыбкой, его голос прозвучал по-отечески мягко: «Сагiño, садись, кофе готов, и твои любимые фрукты нарезал», и я села, благодарно кивнув, передо мной стояла дымящаяся чашка эспresso с пенкой, миска с манго, папайей и клубникой, пропитанной йогуртом, аромат кофе смешался с запахом свежей выпечки и моря, проникающего через открытые окна. Амели уже уплетала кашу, её ложка звякала о миску, волосы всё ещё мокрые после бассейна свисали сосульками, капли воды падали на стол, она болтала без умолку о том, как «фламинго чуть не лопнул от прыжков», а мама, сидя напротив в халате, наливала себе сок и весело поддакивала, явно стараясь создать атмосферу уюта после вчерашней ссоры.

Я отхлебнула кофе, чувствуя, как горечь будит мысли, и украдкой оглядела стол, ожидая, когда спустится Николас, но его шаги не раздались сверху, и это давало передышку, позволяло сосредоточиться на еде и разговоре, который Мартин завёл о планах на день: прогулка в город, рынок с морепродуктами, может, даже экскурсия на яхте, если волны утихнут. Амели тут же вскинулась, требуя мороженое заранее, мама засмеялась, а я кивала, жуя сладкий манго, но внутри всё кипело от недавнего инцидента, от вопроса, почему он не постучал, или это я забыла замок, и от того, как его взгляд задержался на мне дольше положенного, заставив сердце сбиться с ритма. Мартин заметил мою задумчивость и спросил заботливо: «Всё хорошо? Ты какая-то тихая сегодня», я улыбнулась через силу, пробормотав что-то о хорошем сне у моря, и перевела тему на бассейн, чтобы не вдаваться в детали, пока Амели не фыркнула кашей от смеха над своей же шуткой. Николас так и не появился, его тарелка стояла нетронутой, и это висело в воздухе невысказанным вопросом, добавляя завтраку лёгкую тень, но семья продолжала болтать, солнце поднималось выше, обещая жаркий день, полный новых неожиданностей.

Николас появился только к вечеру, когда солнце уже клонилось к горизонту, а мы как раз возвращались с рынка, нагруженные сумками с свежими креветками, персиками и бутылками сангрии, которые Мартин заранее просил купить для ужина. Оказалось, Николас ушёл ещё утром, не сказав никому ни слова, просто хлопнул дверью своего автомобиля и исчез, пока мы болтали за столом, и Мартин заметил его отсутствие только к обеду, когда начал звонить, но телефон был выключен, что сразу настроило его на воинственный лад. Едва Николас переступил порог, как Мартин выскочил из кабинета, его голос прогремел по дому, полный сдержанного гнева, и они ушли туда вместе, дверь закрылась неплотно, так что крики разнеслись по коридору, заставив маму замереть с сумкой в руках, а Амели прижаться ко мне с испуганными глазами.

Они громко ругались в кабинете, слова летели как искры, Мартин обвинял сына в эгоизме и в том, что он испортил весь день, который семья хотела провести вместе, вспоминая вчерашнюю ссору в ресторане и сегодняшние планы на прогулку, где мы могли бы наконец-то сблизиться, а Николас отвечал резко, с той же саркастичной интонацией, мол, не нужно навязывать «семейные» посиделки, когда всё только начинается и трещит по швам, что он взрослый и имеет право на своё пространство после перелёта из Нью-Йорка, а не изображать счастливого пасынка ради отца, который сам не раз рушил семьи. Мама шепнула мне, чтобы я увела Амели наверх и дала им выговориться, её лицо побледнело от волнения, она всё ещё надеялась помирить их за ужином, но я слышала, как Мартин повышал голос, называя Николаса неблагодарным и упрямым, а тот в ответ бросал что-то о повторении старых ошибок, и воздух в доме сгустился от напряжения, словно перед грозой, пока я вела сестру в её комнату, усаживая с книгой и обещая, что всё уляжется, хотя сама не верила в это, думая о его взгляде утром в ванной и о том, как эта ссора только отдаляет нас всех друг от друга.

После ссоры я стояла у окна своей комнаты, глядя, как сумерки опускаются на море, волны бились о камни с глухим рёвом, и размышляла, сколько ещё этот дом выдержит таких взрывов, ведь Мартин искренне хочет единства, а Николас явно несёт груз прошлого. Мама позже позвала всех к столу, надеясь на перемирие, но кабинет всё ещё был закрыт, голоса стихли до шёпота, и вечер обещал быть долгим.

Через какое-то время они всё-таки вышли из кабинета, лица у обоих напряжённые, Мартин сжимал кулаки, а Николас смотрел в пол, но едва дверь открылась, он сразу вылетел на улицу, не сказав ни слова, его шаги загрохотали по гравии, мотор взревел через секунду, и фары машины осветили двор, удаляясь в сумерки вдоль побережья, оставив за собой только пыль и тишину. Мартин тяжело вздохнул, повернулся к нам с мамой и Амели, которые ждали в гостиной, и извинился за эту ситуацию хриплым голосом, полным усталости, его глаза были красными, словно от сдержанных слёз, «Простите, семейные дела иногда выходят из-под контроля, но я не хотел портить вечер», после чего сел с нами ужинать, придвинув стул к столу, где уже остывали тарелки с паэльей и салатом, хотя от него исходило раздражение, которое он старался подавить, наливая себе вино большими глотками и кивая на наши попытки разговаривать его вопросами о рынке. Мама смотрела на него с нежностью, поглаживая по руке, и вскоре предложила выйти прогуляться вдоль пляжа, чтобы «подышать свежим воздухом и остыть», он согласился, благодарно сжав её пальцы, и они ушли, их силуэты растворились в полумраке, пока мы с Амели остались одни в уютной гостиной, где я включила мультфильм на большом телевизоре, яркие краски заплясали по стенам, выбрала что-то весёлое про животных, чтобы отвлечь сестру от недавнего напряжения, взяла из кухни миску с чипсами, мармеладом и печеньем, устроились на диване под пледом, Амели прижалась ко мне, хихикая над экраном, её голова на моём плече пахла бассейном и шампунем, и мы отдыхали так до позднего вечера, пока за окном шумело море, а в голове крутились мысли о том, как эта семья пытается сшиться из разных лоскутов, и сколько ещё ниток лопнет.

Амели заснула под конец мультфильма, свернувшись калачиком с остатками мармелада в руке, я осторожно перенесла её в комнату, укрыла одеялом, а потом вернулась в гостиную, выключила телевизор и просто сидела в тишине, слушая, как тикают часы и накатывают волны, размышляя о Николасе, который снова сбежал, о Мартине, чьё раздражение прорывается сквозь доброту, и о маме, которая играет миротворца. Может, утро принесёт перемирие, или всё только накаляется? Лето казалось бесконечным, но уже трещало по швам.

Утро следующего дня ворвалось в дом ярким солнцем, которое лилось через открытые окна золотыми потоками, разгоняя ночную прохладу и наполняя воздух запахом соли с моря, смешанным с ароматом свежесваренного кофе и поджаренных тостов, доносящихся с кухни, где мама уже хлопотала, напевая что-то тихонько под нос, чтобы стряхнуть вчерашнее напряжение. Я проснулась от этого шума и смеха Амели, который эхом разносился снизу, потянулась в постели, чувствуя приятную лень в теле после глубокого сна без сновидений, быстро умылась холодной водой и спустилась по лестнице босиком, ступая осторожно по прохладному дереву, чтобы не потревожить тишину, которая ещё витала в доме после всех вчерашних событий с ссорами и побегом Николаса. Вся семья уже собралась за столом на террасе, за исключением его, конечно, что меня даже немного обрадовало, потому что воспоминание о стычке в ванной и его долгим взгляде всё ещё жгло внутри, усиливая неловкость, а Мартин, сидя во главе стола с кружкой в руке, подозвал меня тёплым жестом и мягким «*Buenos días, mi requeña*», подвинув стул и указав на дымящуюся чашку эспрессо с пенкой и тарелку с любимыми фруктами, нарезанными аккуратными дольками, манго блестело от сока, папайя источала сладость, а клубника лежала горкой рядом с йогуртом.

Николаса не было, его комната пустовала, машина не стояла у ворот, и мама тихо шепнула мне, что он уехал ещё на рассвете, не сказав куда, после той ночной ссоры в кабинете, а Мартин только отмахнулся, пробормотав что-то о самостоятельном парне, который вернётся, когда остынет, хотя в голосе чувствовалась горечь, которую он прятал за заботой о нас. Мы ели неспешно, болтая о планах на день.

После завтрака Мартин встал, поцеловал маму в макушку и ушёл в кабинет разбираться с чертежами нового проекта, а мы с Амели и мамой перебрались к бассейну, разложив полотенца и крем от загара, море сегодня волновалось сильнее, с белыми барашками на гребнях, так что бассейн выглядел идеальным убежищем. Амели тут же нырнула с визгом, брызги полетели во все стороны, мама растянулась на шезлонге с журналом, а я взяла книгу, но мысли то и дело возвращались к Николасу, к его резким словам вчера, к тому, как он хлопнул дверью в ванной, и я поймала себя на том, что жду звука мотора больше, чем хотелось бы признать.

Весь день прошёл успешно, солнце палило немилосердно, но бриз с моря спасал от жары, пока мы с Мартином продолжали выбирать институт и подготовительные курсы за столом на террасе, обсуждая программы дизайна интерьеров с той же сосредоточенностью, что и в первую ночь, а мама поддерживала выбор дизайнера, достала свои первые работы ещё со времён учёбы. Потрёпанные эскизы в старом альбоме с набросками комнат и тканей, которые она показывала с гордостью, обещая всегда помочь мне с портфолио и первыми заказами, её глаза блестели от воспоминаний о тех студенческих годах, когда она сама боролась с сомнениями.

Николас приехал после обеда, его машина зарычала у ворот, но он даже не зашёл к нам, молча кивнул Мартину и сразу закрылся в своей комнате наверху, дверь хлопнула тихо, но выразительно, оставив после себя лёгкую тень в воздухе, хотя Мартин только вздохнул и вернулся к планшету, бормоча что-то о «время нужно всем».

Вечером мы все втроём готовили ужин на кухне, которая превратилась в хаос из кастрюль и специй, мама резала креветки для паэлы, Мартин жарил chorizo с улыбкой, рассказывая анекдоты из своей архитектурной молодости, а я мешала рис, и мы громко смеялись над тем, как Амели пыталась «помочь», размахивая ложкой и пачкая лицо соусом, пока в дверях не появился Николас, свежий после душа, в простой футболке и шортах, волосы ещё влажные,

но вместо того чтобы присоединиться, он пробормотал что-то о делах и сразу пошёл к выходу, его шаги эхом отозвались в коридоре. Куда он постоянно уходит? У него здесь девушка или просто привык бродить один, как волк, избегая этой семьи, которая пытается его приручить? Мартин недовольно вздохнул, но натянул улыбку, пожав плечами, и мы продолжили, хотя его раздражение повисло в воздухе, как недосказанное слово.

Мы долго сидели на террасе, разговаривая обо всём подряд, о смешных случаях из детства Амели, о том, как мама встретила Мартина на том ивенте, и вино лилось рекой, размывая края напряжения, пока не стемнело окончательно, звёзды зажглись над морем, и все разошлись по комнатам. Амели давно спала, свернувшись с зайчиком, родители ушли в свою спальню, шепчась тихо за дверью. Я ворочалась в кровати долгое время, простыни сбивались от жары, мысли путались между планами на универ, ссорами в доме и образом Николаса из ванной, на часах уже давно было за полночь, и я достала спрятанные под матрас сигареты, тихо вышла во двор босиком, ступая по прохладному кафелю, села на ступеньку, ведущую к морю, где песок сразу зарылся между пальцами ног, холодный и влажный от прилива. Подошла к сигарете, затянулась, глядя на гладь моря, которая чернела под луной с редкими бликами волн, дым смешивался с солёным воздухом, успокаивая нервы.

Сзади послышался шум гравия под ногами, я испугалась, быстро спрятала сигарету, сердце заколотилось, и буквально в нескольких сантиметрах от меня стоял Николас, его силуэт вырисовывался в полумраке, лицо уставшее, глаза с тенями под ними, волосы взъерошены, от него пахло морем и чем-то металлическим, как после долгой прогулки.

— Ты не слишком маленькая для сигарет? — спросил он с лёгкой усмешкой, голос низкий и хриплый от усталости, сел рядом на ступеньку так близко, что тепло его тела ощущалось сквозь тонкую футболку, забрал сигарету из моих рук, сделал глубокую затяжку, от этого касания к моей руке по телу пробежала дрожь, как электрический разряд, и я сглотнула, глядя на его профиль в лунном свете.

— Почему не спишь? — продолжил он, глядя в даль на море, дым вырвался из его рта кольцами, растворяясь в ночи.

— Не знаю, — ответила я честно, пожав плечами, и мы сидели молча несколько минут, только волны шумели и сигарета тлела, пока он не взял ещё одну из моей пачки, прикурил от зажигалки, огонь осветил его лицо с лёгкой щетиной.

— Ты учишься на архитектора? — спросила я, чтобы прервать тишину, глядя на его руки с татуировками. Он кивнул медленно, выдыхая дым в сторону моря.

— Ты не похож на архитектора, — добавила я, немного замедлившись, потому что в голове крутились стереотипы о людях в костюмах с линейками, а не о нём с его бунтарским видом.

— Потому что это отец решил, что я должен им стать, это одна из главных причин, почему я так к нему отношусь, он далеко не такой мягкий, как вы его видите, — ответил он тихо, с горечью в голосе, затянулся снова, и в его словах сквозила усталость от давнего груза, который он тащит годами.

Мы опять просидели в тишине несколько минут, плечо к плечу, море шептало внизу, и он вдруг встал со своего места.

— Не говори никому про сигареты, — попросила я, посмотрев на него снизу вверх, чувствуя, как сердце стучит.

— Не скажу, — улыбнулся он уголком рта, сделал ещё одну затяжку, бросил окурочку в песок и потушил носком кроссовки, — Но с тебя желание.

Подмигнул мне игриво, развернулся и ушёл в дом, его силуэт растворился в темноте, оставив меня сидеть с дрожью в пальцах и мыслями, которые теперь не отпускали до утра.

С этого момента прошло несколько дней, обстановка в доме всё ещё оставалась напряжённой, как натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения, ведь Николас стал появляться дома чаще, чем раньше, приходил к обеду или вечеру, молча брал еду из

холодильника и уходил в свою комнату, избегая общих трапез и разговоров с отцом, чьё лицо мрачнело при каждом звуке мотора его машины, хотя Мартин старался держать себя в руках, переключаясь на работу или шутки с Амели.

Вечером мама и Мартин объявили за ужином, что его давние друзья позвали в гости на новоселье в соседний городок, их голоса звучали приподнято, с ноткой облегчения от перспективы смены обстановки, Амели тут же начала умолять взять её с собой, топя ножками и строя глазки, и Мартин конечно согласился не колеблясь, сказав с улыбкой, что там будет мальчишка её возраста, с которым она сможет поиграть в саду, пока взрослые болтают, и она завизжала от восторга, обнимая его за шею.

Утром они уехали рано, солнце только взошло, машина умчалась с хрустом гравия, оставив дом в тишине, нарушаемой лишь шумом волн, и Мартин перед отъездом незаметно сунул мне в руку пачку денег, прикрыв ладонью от глаз мамы, шепнув тихо с отеческой заботой, что я на отдыхе и готовить незачем, лучше закажу доставку пиццы или суши, чтобы провести день в лени, а не у плиты, его глаза на миг смягчились, словно этот жест был его способом сказать, что всё наладится.

Весь день я провела за ноутбуком на террасе и листком бумаги, расстелив перед собой чистые листы и карандаши, решив попробовать, есть ли у меня способности к дизайну, о котором все говорят, нарисовала пару эскизов комнаты с видом на море, вдохновившись домом Мартина, потом ещё один с мягким диваном у окна, но линии выходили неровными, цвета в голове не складывались в гармонию, и я то и дело стирала, спрашивая себя, есть ли вообще смысл поступать на эту специальность.

Ближе к вечеру, когда солнце клонилось к закату, внизу хлопнула входная дверь и послышались голоса, два низких мужских, один знакомый с лёгким акцентом Николаса, другой звонче и веселее, с нотками испанского солнца в интонациях, я тихо спустилась по лестнице босиком, ступая осторожно по дереву, чтобы не выдать себя, сердце почему-то ускорилося от любопытства, и я выглянула из-за перил. Николас стоял на кухне, доставал пиво из холодильника и что-то нарезал на доске, сосредоточенный, в простой белой футболке, облегающей плечи, а на диване в гостиной сидел парень, его друг наверное, с короткими тёмными волосами, загорелой кожей и расслабленной улыбкой, который сразу меня заметил, приподнимаясь на локте и поворачиваясь всем телом.

— О, привет, — сказал он дружелюбно, голос тёплый и уверенный, глаза весело блеснули. — Ты Дженнифер?

Я неуверенно кивнула, чувствуя, как щёки теплеют от неожиданности.

— Привет, — переминаясь с ноги на ногу на лестнице, не зная, выйти полностью или остаться в тени.

Услышав мой голос, Николас резко развернулся от плиты, его взгляд на секунду задержался на мне, тёмный и изучающий, как в те ночи, но без вчерашней мягкости, брови слегка сдвинулись.

— Ты заказала доставку? — спросил он спокойно, вытирая руки о кухонное полотенце, тон деловой, словно мы едва знакомы.

— Да, я правда не знала, что ты будешь... — ответила я, опуская глаза на свои босые ноги, чувствуя неловкость от того, что весь день думала о нём и его словах, а теперь он здесь, такой обыденный.

— Да я в целом всё ем, так что не прогадаешь, — усмехнулся он уголком рта, но без тепла, пошёл в сторону лестницы, его друг поднялся с дивана следом, хлопнув его по плечу, и когда Николас проходил мимо меня, поравнялся, я уловила приятный запах одеколона, свежий с нотками цитруса и моря, который ударил в голову, заставив задержать дыхание.

— Мы посидим у меня, ладно? — сказал он, немного наклонившись, потому что я ниже ростом, его лицо оказалось ближе, чем ожидала, глаза на уровне моих, голос тихий, но твёрдый, с лёгким предупреждением. — Не заходи.

И они ушли наверх, шаги прогремели по ступенькам, дверь его комнаты закрылась с щелчком, оставив меня стоять в коридоре с гулом в ушах и странным ощущением, что этот дом вдруг стал ещё теснее, а его присутствие ещё загадочнее.

Я вернулась к ноутбуку на террасу, но эскизы больше не клеились, мысли путались между рисунками и звуками музыки, доносящимися сверху, смех пробивался сквозь стены. Я слушала шум волн и размышляла, кто этот друг, почему Николас так отгородился, и что значит его «не заходи», словно я чужая в этом доме.

Циферблат на ноутбуке уже давно показывал глубокую ночь, цифры светились холодным синим светом, музыка из комнаты Николаса давно закончилась, сменившись тишиной, нарушаемой только ритмичным шумом волн, а из его комнаты наверху так никто и не выходил, ни он, ни его друг, оставив дом в странной атмосфере, где каждый шорох казался значимым. Мне надоедали эти бесконечные листы бумаги, исписанные неровными линиями эскизов, карандаши валялись разбросанными, как мои сомнения в способностях, и я, чувствуя тяжесть в груди от дневных размышлений и внезапного появления гостей наверху, взяла пачку сигарет и направилась прямо на песок у ступенек, ведущих к морю, где он был прохладным, но не холодным, ещё хранящим тепло ушедшего дня, мягко обволакивающим пальцы ног, пока я садилась, поджигала сигарету и смотрела в даль, где чёрная гладь воды сливалась с небом, усыпанным редкими звёздами, а абсолютная тишина ночи обволакивала, словно позволяя наконец выдохнуть после всех этих дней напряжения.

Сзади послышался небольшой шорох, и я сначала подумала, что это ветер шелестит моими листами эскизов, которые я оставила на террасе, но голос раздался неожиданно близко, заставив вздрогнуть и резко развернуться.

— Неплохо.

Николас стоял в нескольких шагах с моим листком в руках, вдумчиво разглядывая рисунок комнаты с видом на море, его силуэт вырисовывался в полумраке, футболка слегка помятая после долгого вечера, волосы взъерошены, а потом он перевёл взгляд на меня, тёмный и внимательный, без той обычной отстранённости, что делал его таким недоступным.

— У тебя хорошие работы, — добавил он спокойно, подходя ближе и садясь рядом на песок, всё ещё держа эскиз в пальцах, его плечо оказалось совсем рядом, тепло тела ощущалось в прохладном воздухе ночи, и я почувствовала, как сердце ускоряет ритм от этой внезапной близости.

— И что же там хорошего? Все кривое, — ответила я скептически, стряхивая пепел сигареты, не веря, что мои первые попытки могут вызвать хоть какой-то интерес, особенно у него, кто явно разбирается в линиях и формах лучше меня.

— Ну ты же в первый раз это делаешь, да? До идеала, конечно, далеко, но потенциал точно есть, — возразил он мягко, поворачиваясь ко мне, его глаза на миг задержались на моём лице, изучая реакцию, и в голосе сквозила искренность, которой я от него не ожидала после всех этих дней холодного игнора.

— Когда отец сказал, что ты собираешься поступать на дизайн, я был уверен, что это он настоял. Но теперь вижу, что у тебя есть к этому талант, — продолжил он, протягивая листок, и я взяла его, чувствуя лёгкое касание пальцев, которое прошло незамеченным для него, но отозвалось внутри меня странным теплом.

Он со мной разговаривает? Или я уснула?

— Вообще, это он и предложил... — призналась я тихо, глядя на песок, где тени от волн играли узорами. Николас пустил короткий смешок, горький и знающий, взял сигарету из моей

пачки без спроса и закурил, глядя куда-то вдаль на тёмное море, дым вырвался из его рта медленно, растворяясь в ночи.

— Ничего нового, — пробормотал он, затягиваясь глубже, и в этот момент его голос стал ниже, тяжелее, словно открывались двери к чему-то давно запёртому.

Он взял сигарету из пачки и закурил, смотря куда-то вдаль.

— Он с детства хотел сделать из меня лучшего архитектора... После него, конечно. А я мечтал стать фотографом, — начал он рассказывать, и я слушала, не перебивая, боясь упустить шанс узнать его ближе, понять этого парня, который прячется за сарказмом и побегами из дома.

— Когда мне исполнилось двенадцать, мама подарила мне фотоаппарат. И он его разбил. Просто кинул в стену, сказав, что это всё игрушки, — продолжил Николас, его профиль в лунном свете казался острее, глаза смотрели в пустоту, а пальцы крепче сжимали сигарету. Я не верила, что он говорит о том человеке, который каждый день обнимает Амели, зовёт меня сагiño и строит дома с такой любовью, Мартин не выглядел таким строгим, как описывал Николас, но в его словах чувствовалась правда, вырванная из глубины обид.

— А когда я закончил старшую школу, он без моего слова подал документы в институт. Сказал, что оставит меня без гроша, если посмею их забрать.

Его голос становился тяжелее, с хрипотцой, словно каждый слог давался с усилием, и я продолжала смотреть на него, не отрываясь, видя в этот момент не бунтаря из ресторана, а парня, скованного чужими ожиданиями годами.

— Теперь ты понимаешь, что он не ангел?

Он закончил вопросом, потушив сигарету о песок резким движением, встал плавно, отряхивая шорты.

— Я пойду спать, — поднялся по ступеньке к дому и обернулся. — Ты тоже в дом уже иди, холодно.

Но я ждала, сидя на песке, пока в его комнате наверху не погас свет, и только тогда вернулась внутрь, чувствуя, как эта ночь изменила что-то внутри меня, добавив вопросов к уже существующим, и сон пришёл не сразу, полный теней его слов и силуэта у моря.

Вечером приехали родители, машина Мартина зарычала у ворот, когда луна уже висела высоко, они ввалились в дом уставшие, но весёлые от вина и разговоров с друзьями, Амели тащила пакет с гостинцами, крича о мальчишке, с которым играла весь вечер, мама обнимала Мартина, шепча что-то ласковое, и всё вернулось как было, к той хрупкой рутине, где Николас продолжал избегать отца, появляясь и исчезая как тень. Мартин злился молча, сжимая челюсти за завтраком или ужином, бросая короткие взгляды на лестницу, а мама всё пыталась их помирить, устраивая общие ужины или предлагая совместные прогулки, её голос звучал устало, но упорно, словно она верила, что любовь перельёт через край всех обид. Так продолжалось несколько дней, дом жил в этом напряжении, как корабль в штиль перед бурей, мы с Амели рисовали на террасе, мама готовила испанские блюда, Мартин работал допоздна в кабинете, а Николас уходил рано и возвращался поздно, его шаги эхом отдавались ночью, но никогда не пересекались с отцовскими, оставляя после себя тишину, полной невысказанных упрёков.

Ночью я вышла на кухню за стаканом воды, дом спал крепко, луна светила в окно серебристым светом, половицы поскрипывали под босыми ногами, и наткнулась на Николаса, который рылся на полках в шкафу, освещённый лишь слабой лампочкой над плитой, его силуэт казался высоким и напряжённым в полумраке, он искал что-то среди банок и пачек, не замечая меня сразу.

— Мама отложила тебе пасту, — шёпотом сказала я, и он дёрнулся от неожиданности, резко повернувшись, глаза расширились на миг в тусклом свете, потом расслабились, когда узнал меня. — Она в холодильнике.

— Опять ты не спишь, — ответил он, глядя на меня внимательно, открыл дверцу холодильника, свет внутри осветил его лицо с лёгкой щетиной и достал миску с пастой. — Спасибо.

Его голос низкий и сонный, с той хрипотцой, что появлялась поздно ночью. Я сминалась с ноги на ногу на холодном кафеле, стакан в руке казался тяжёлым, слова вертелись на языке.

— Можно спросить тебя?

— Смотря о чём, — отозвался он, положив вилку макарон в рот, жуя медленно, опираясь на столешницу, глаза не отрывались от меня, ожидая.

— Я понимаю, что у тебя тяжелые отношения с отцом... Но ведь ни мама, ни тем более мы с Амели тебе ничего плохого не сделали. Почему ты отстраняешься? — выпалила я шёпотом, чувствуя, как голос дрожит от смеси любопытства и обиды за эту холодность, которая витала в доме как дым. Он проглотил кусок, поставил миску, вытер рот тыльной стороной ладони, и ответил после паузы, глядя прямо в глаза.

— Я не имею ничего плохого по отношению к Кларе, она прекрасная, и это правда. Я просто не вижу смысла играть счастливую семью, если это не так. Отец даже не хотел, чтобы я приезжал. Я приехал, потому что понимаю, что для твоей

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.